

## МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИСАЕВ М. И.

### МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЭСПЕРАНТО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ (К столетию создания и развития)

Консервативная мысль упрямо доказывает, что эсперанто утопическая идея. Живая, закономерно развивающаяся действительность, не торопясь, но все более решительно опровергает мнение консерваторов

(А. М. Горький)

Уже сто лет функционирует и развивается плановый язык эсперанто, созданный в процессе поисков оптимальных путей решения языковых проблем многонационального человечества. Уникальный эксперимент успешного функционирования и развития сознательно сконструированного средства общения — языка эсперанто — привлекает к себе все большее внимание как в теоретическом плане, так и с точки зрения его практической и общественной значимости.

Предыстория эсперанто простирается более чем на два тысячелетия. Известно, например, высказывание древнегреческого философа-идеалиста Платона (427—347 до н. э.) о том, что боги облагодетельствовали бы человечество, даровав ему общий язык [1]. Развитие учения об общем языке для всего человечества сопровождалось многочисленными попытками его практического осуществления. По-видимому, одним из авторов самых первых языковых проектов явился древнеримский врач и философ, большой почитатель платоновских идей Клавдий Гален (129—199 н. э.). Значительное развитие идея общего языка получила в средние века. Известны не только высказывания о необходимости для многонационального человечества единого средства общения, но и конкретные шаги к его созданию. Так, арабскому шейху Мохиеддину (XI в.) приписывается конструирование системы международно-межплеменного языка. Позже идею общего языка подхватили и развивали великий социалист-утопист Т. Мор (1478—1535), а также испанский философ и просветитель Х. Л. Вивес (1492—1540), писавший, что «было бы счастьем, если бы существовал единый язык, которым могли бы воспользоваться все народы» [2]. В эту же эпоху идею общего языка разрабатывают многие выдающиеся представители человечества, такие, как философ-утопист Т. Кампанелло (1568—1639), родоначальник английского материализма и методологии опытной науки Ф. Бэкон (1561—1626), выдающийся французский философ и математик Р. Декарт (1596—1650), который в отличие от многочисленных своих предшественников осуществление идеи единого языка обуславливал необходимостью проведения больших социальных перемен в обществе [3]. Великий чешский педагог-гуманист и философ Я. А. Коменский (1592—1670) также плодотворно трудился над реализацией этой идеи и в 1641 г. в своем трактате «Путь к свету» писал, что «мир нуждается в общем языке, ... в создании нового языка, более легкого, чем известные» [4].

Идеей всеобщего языка специально занимались такие выдающиеся представители науки, как И. Ньютон (1642—1727), его современник Г. В. Лейбниц (1646—1716), а позже и ряд других ученых и государственных деятелей XVIII в. (Ф. М. Аруа, Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, П. Л. Моро де Мопертюи, А. М. Ампер, Ж. Верн, А. Бебель и др.). В XIX в. появляются проекты, получившие некоторое распространение [5, с. 5 и сл.]. Так, в 1817 г. француз Ж. Ф. Сюдр (1787—1862) предложил проект музыкального языка «Сольресоль», составленный из комбинаций музыкальных нот. Лексика состояла из семи односложных, 49 двусложных, 336 трехсложных, 2268 четырехсложных и 9 072 пятисложных слов, всего в проекте предусматривалось 11 733 слова. Проект вызвал оживленный интерес, однако подлинного успеха не имел. Причина неуспеха заключалась в принципе *a priori*, который характеризовал также предыдущие проекты. Как выяснилось позднее, подлинный плановый язык может быть построен лишь на базе лингвистических явлений, характерных для обычных этнических языков, т. е. по принципу *a posteriori*.

Последовательное проведение именно этого принципа принесло первые ощутимые результаты в создании планового языка, автором которого явился католический прелат из Баварии И. М. Шлейер (1831—1912), известный полиглот, автор «всемирного алфавита», его проект под названием «волапюк» (*volapük* — деформация английских слов *world* и *speak*, т. е. «всемирный язык») был опубликован в 1880 г. и сразу имел большой успех [6]. Рассматривая структуру волапюка, создается впечатление, что в погоне за универсализацией своего языка Шлейер старался включить в его систему побольше элементов из существующих языков. В результате мы имеем чрезвычайно громоздкий грамматический аппарат смешанного апостериорно-априорно-логического типа. Кстати сказать, именно искусственно раздутая сложность грамматики и является первопричиной появлений трений среди виднейших волапюкистов, что в конечном счете привело к распаду всего их движения. Этому в немалой степени способствовал и появившийся уже эсперанто, своими качествами намного превосходивший волапюк. Но волапюк, несмотря на все, в значительной мере послужил идее общего планово созданного языка. Отныне вековая мечта многих мыслителей приобретает реальные черты, а созданный человеческим гением проект оживает и начинает функционировать как настоящий язык.

Явившись результатом двадцативековой истории развития идеи всеобщего языка, волапюк в то же время завершает всю предысторию возникновения эсперанто, победившего всех своих конкурентов и функционирующего на протяжении вот уже ста лет.

История эсперанто начинается с 1887 г., с момента, когда движение волапюкистов как раз достигло своего зенита, но наиболее дальновидные люди за горизонтом уже видели его закат [7].

Автор планового языка, варшавский врач-окулист Людвиг Лазарь (или по-русски Людовик Маркович) Заменгоф (1859—1917) был представителем гуманистической интеллигенции своего времени. В отличие от многих своих предшественников он к идее общего языка шел не от теории, а от практики. Заменгофу приходилось лечить пациентов многих национальностей — поляков, русских, немцев, евреев, украинцев и др. Владея целым рядом языков, он не мог не заметить как их общие черты, так и их различия. В стремлении помочь людям преодолеть языковой барьер он желал создать более совершенное орудие общения, чем это сделал Шлейер.

Наиболее принципиальные возражения Заменгофа против волапюка касались элементов априоризма. Вместо произвольного набора лексем

Заменгоф предлагает использовать слова и термины, «уже успевшие сделаться интернациональными», или же брать лексику из латинского «как языка полуинтернационального». Таким образом, как на один из основных принципов отбора словаря эсперанто мы можем указать на его интернационализм. Это значит, что автор нашел оптимальный подход к определению лексики предлагаемого им языка. Что касается романского характера большинства предложенных Заменгофом корней, то это, пожалуй, скорее вопрос этимологии. Он проистекает из той роли, которую многие столетия играла латынь в культурном развитии народов Европы.

Первоначально Заменгоф предлагает 900 корней, из которых по четким правилам образуется множество новых слов. Огромно значение эсперантского словообразования, не знающего исключений и проводимого с математической четкостью. В принципе образование новых слов возможно от любой основы и даже словообразовательного элемента. Это делает словообразовательный механизм чрезвычайно гибким и позволяет обходиться в несколько раз меньшим количеством корней, чем в любом «естественном» языке.

Характерно, что если по составу первоначально предложенной лексики эсперанто тяготеет к европейским языкам (точнее, романским), то по грамматическому строю он скорее примыкает к агглютинативным языкам, распространенным на Востоке [8, с. 22 и сл.].

Одной из примечательных особенностей эсперанто является его способность к совершенствованию. В этом плане он напоминает самооттачивающийся механизм. Вспомним, что Шлейер стремился к тому, чтобы его язык с самого своего зарождения был обеспечен всеми возможными выразительными средствами. В противоположность этому Заменгоф заложил лишь основы своего языка, способного к саморазвитию в процессе своего использования. Таким образом, своими принципиальными качествами язык эсперанто в такой степени превосходил детище Шлейера, что несмотря на подъем движения волапюкистов, он сразу же начал приобретать своих сторонников даже среди последователей Шлейера.

На первых порах наиболее энергичными приверженцами и пропагандистами эсперанто были преимущественно граждане России. Ряды сторонников эсперанто быстро множилось и в других странах. Так, в Германии к числу первых эсперантистов принадлежал писатель Л. Эйнштейн, основавший еще в 1888 г. первое общество эсперантистов и в 1889 г. журнал «La esperantisto». Во Франции за пропаганду нового языка энергично взялись Г. Мок и Л. де Бофрон, филолог по образованию. В начале 1898 г. он основал Общество пропаганды эсперанто и наладил ежемесячное издание журнала «L'esperantiste», выходившего в течение девяти лет. Вопрос об эсперанто обсуждался в Институте Франции Парижской Академии наук.

Однако подлинно международный период Функционирования эсперанто и развития эсперанто-движения начинается с ежегодных конгрессов, первый из которых был созван в 1905 г. На нем, кстати, было решено образовать «Лингвистический комитет», из которого в 1908 г. выделилась «Академия эсперанто», в компетенцию которой вошли вопросы нормирования языка. В том же году создается всемирное объединение эсперантистов «Universala Esperanto-Asocio» («Всеобщая ассоциация эсперантистов»), успешно функционирующее и до сих пор; оно имеет консультативный статус при ЮНЕСКО и ЭКОСОС (Экономический и социальный совет ООН).

Следует специально отметить, что эсперанто победил в ожесточенной теоретической и организационной борьбе, которая прежде всего велась

с все еще процветающим в конце 80-х годов волапоком. Но немало других испытаний пришлось выдержать новому языку в процессе своего утверждения и развития. Одно из них связано с кризисом 1907—1908 гг., вызванным действиями так называемых «реформистов» во главе со сторонниками нового языкового проекта идо, реформированного проекта эсперанто [7]. Другим тяжелым испытанием для международного языка явилась первая мировая война, которая почти полностью прервала международные контакты эсперантистов. Вместе с тем произошел раскол эсперантского движения на «рабочее» и «буржуазное». Однако язык эсперанто выжил благодаря тому, что к этому времени он уже был функционирующим языком, обслуживающим, как и другие языки, не отдельные классы общества, а различные категории и группы людей.

С окончанием мировой войны и началом восстановления мирных контактов между странами постепенно возрождается и движение эсперантистов, которые, кстати сказать, внесли свою лепту в антивоенную пропаганду и укрепление солидарности людей труда различных государств. Новое широкое распространение получает эсперанто-движение и в нашей стране, укрепляются его организационные формы. В начале 20-х годов создается Союз эсперантистов Советских Республик — СЭСР, число членов которого доходило до 30 тыс. СЭСР проводил важную работу по налаживанию интернациональных связей советских людей, велась пропагандистская работа среди рабочих-эсперантистов других стран. Работу Союза поддерживали комсомольские организации страны. Органы культуры широко использовали эсперанто в пропаганде идей коммунизма среди зарубежных эсперантистов. Велась большая издательская работа. К середине 30-х годов нашего столетия уже появилось довольно большое количество книг и статей, посвященных различным вопросам международного языка. Некоторые положения этих работ уже устарели. Однако они сохраняют свое значение как определенные исторические свидетельства энергичности поисков в самый интенсивный период развития эсперанто-движения. В связи с этим важной задачей является изучение наследия русских и советских интерлингвистов-эсперантистов.

Морально-этические принципы требуют внимательного обращения с историей вопроса, занимающей важное место в развитии любой науки. Дело в том, что наступившая в период второй мировой войны очередная приостановка эсперантской деятельности привела к известному хаосу и в научном наследии целого поколения довоенных интерлингвистов и эсперантологов. Многие из них ушли из жизни, и до сих пор мы не всегда имеем доступ к их разбросанным архивам.

Во второй половине 50-х годов наблюдается восстановление прерванных второй мировой войной международных связей эсперантистов различных стран. В частности, продолжился созыв международных конгрессов Всеобщей эсперантской ассоциации (УЭА).

В СССР значительный импульс к восстановлению эсперанто-движения дал VI Московский международный фестиваль молодежи и студентов 1957 г., в рамках которого проходили международные встречи молодых эсперантистов из многих стран. В период, непосредственно предшествовавший фестивалю, была проделана значительная работа по подготовке группы молодых советских эсперантистов, что было связано с определенными трудностями — отсутствием необходимых пособий, квалифицированных кадров преподавателей и др. Вся необходимая работа была успешно выполнена благодаря усилиям группы эсперантистов-энтузиастов во главе с известным советским ученым-филологом, интерлингвистом и

опытным эсперантистом проф. Е. А. Бокаревым, которому было суждено стать во главе движения в наступивший период эсперантского ренессанса в СССР.

Эсперанто-движение набирало силы, что привело в 1962 г. к созданию при Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) общественной комиссии по международным связям советских эсперантистов, которая возглавила организацию поездок наших представителей за границу (на международные конгрессы, совещания, встречи и т. п.). Комиссия также занималась подготовкой различных материалов (пропагандистских, информационных, переводов художественных произведений) к изданию для распространения как среди советских эсперантистов, так и среди зарубежных коллег.

Выросшее движение эсперантистов требовало новых, более эффективных организационных форм. В результате в марте 1979 г. по инициативе ССОД, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ на базе эсперанто-комиссии была создана Ассоциация советских эсперантистов (АСЭ), деятельность которой проходит при ССОД на основе принятого на учредительной конференции «Положения об Ассоциации советских эсперантистов».

АСЭ сотрудничает со многими национальными и международными организациями. Наиболее интенсивные контакты существуют у АСЭ с эсперанто-организациями соцстран. С некоторыми из них (эсперанто-организации ГДР и Болгарии) это сотрудничество происходит на основе заключенных двусторонних соглашений. На многосторонней базе представители эсперанто-организаций соцстран ежегодно встречаются для обмена опытом и обсуждения актуальных проблем эсперанто-движения.

Советские эсперантисты наиболее активно участвуют в Движении эсперантистов за мир во всем мире (МЭМ), которое объединяет борцов за мир из эсперантистов многих стран, как социалистических, так и капиталистических. МЭМ издает журналы «Расо» («Мир») и «Pasaktivulo» («Активист движения за мир»). В 1974 г. МЭМ заключило соглашение со Всемирным Советом Мира [8].

АСЭ принимает известное участие и в деятельности наиболее представительной организации эсперантистов Всеобщей эсперанто-ассоциации (УЭА — «Universala Esperanto-Asocio»). Делегации АСЭ участвуют в работе многих ежегодных конгрессов УЭА, выступая с докладами и сообщениями. Членами УЭА являются национальные ассоциации, отраслевые организации и отдельные эсперантисты на индивидуальной основе. В настоящее время в УЭА входят 44 национальные организации, включая социалистические: болгарскую, венгерскую, ГДР, китайскую, кубинскую, польскую, чехословацкие (словацкую и чешскую) и югославскую.

ЮНЕСКО оказывает определенную моральную поддержку деятельности УЭА, о чем свидетельствует, в частности, ряд резолюций по эсперанто-движению [9].

Из года в год на конгрессах УЭА все большее значение придается использованию эсперанто в целях распространения идей мира, ядерного разоружения и дружеских контактов между представителями различных стран. Заключено соглашение о сотрудничестве между УЭА и МЭМ, которое обычно свои годовые собрания приурочивает ко времени ежегодных конгрессов УЭА.

В деятельности эсперантистов большое значение придается издательскому делу. В этом отношении достигнуты немалые успехи. Так, за столетие существования эсперанто на нем изданы десятки тысяч оригинальных произведений и переводов со многих десятков национальных языков,

«больших» и «малых». Например, Британская эсперанто-библиотека насчитывала в 1970 г. 33 тысячи наименований книг на эсперанто.

Нередко эсперанто используется как язык-посредник для перевода с одного национального языка на другой. По имеющимся сведениям, более ста произведений переведено посредством эсперанто с 26 национальных языков на 25 других языков, в том числе произведения Пушкина, Гоголя, Горького, Л. Толстого, А. Толстого, Тургенева, Маяковского, Мамин-Сибиряка, Новикова-Прибоя на китайский и японский языки. «Каталог книжной службы УЭА» на 1984—1985 гг. предлагает для продажи читателям более 3000 наименований разнообразной литературы на эсперанто, 163 издательства выпускают на эсперанто художественную, политическую, научную, учебно-методическую, религиозную и другую литературу. Что касается СССР, то в период с 1963 по 1972 гг. Комиссия по координации международных связей советских эсперантистов ССОД выпустила 42 брошюры на эсперанто, в том числе Директивы съездов КПСС, Тезисы ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и другие политические материалы, 12 номеров социально-политического и литературно-художественного сборника «Por la rasoj» («За мир»), произведения Горького, Шолохова, Маяковского, Лермонтова, Гайдара, Лавренева, Райниса, Есенина, Леси Украинки и др. — всего 18 изданий. Эти брошюры пользовались большим успехом у зарубежных эсперантистов, о чем свидетельствуют многочисленные письма и рецензии в эсперанто-прессе того времени. За последние годы у нас издается в основном политическая литература (в АПН). В некоторых республиках печатаются также отдельные художественные произведения в переводе на эсперанто. К сожалению, в области пропаганды достижений многонациональной советской литературы у наших эсперантистов остаются неиспользованными огромные возможности.

Широкое употребление языка эсперанто как в устной, так и, в особенности, в письменной форме не может не приводить к его «шлифовке», развитию. На этом вопросе целесообразно остановиться специально, т. к. речь идет не об обычном литературном языке, а о планомерно созданном, не имеющем такой «субстратной базы», каковая обычно существует у национальных литературных языков (язык устного народного творчества, диалектная речь и т. п.).

Развитие эсперанто — такой же непреложный факт, как и развитие любого «живого» литературного языка. Однако многие вопросы развития планового языка имеют свои специфические особенности. При этом имеется в виду такой процесс, который ведет к совершенствованию языковой структуры, прогрессу его выразительных возможностей. Как известно, не любые изменения в языках способствуют их явному «прогрессу». Исходя из этого, применительно к планоному языку целесообразнее говорить о развитии в смысле совершенствования, а не просто об эволюции, как это делается в некоторых интерлингвистических работах.

Сам Заменгоф четко представлял себе необходимость и обстоятельства дальнейшего совершенствования своего детища. Еще при создании своего языкового проекта он призывал всех предлагать пути для возможного улучшения эсперанто. Одновременно он категорически возражал против бесконечных изменений, которые могут лишь расшатать здание языка, лишить его столь необходимой стабильности.

Для возможных предложений по совершенствованию структуры языка его создатель определил конкретный срок — один год, по прошествии которого «за языком будет закреплена окончательная постоянная форма».

Право решения судеб поступивших за год предложений Заменгоф остав- лял за собой. Затем должен наступить период «коллективной ответствен- ности» за язык, который «и впоследствии не будет замкнут для всевозмож- ных улучшений, — подчеркивает Заменгоф, — с той только разницей, что тогда право изменять будет принадлежать уже не мне, а авторитетной, общепризнанной академии этого языка» [10, с. 11].

«Официально установленная грамматика» эсперанто из 16 правил на французском, английском, немецком, русском и польском языках, 42 па- раграфа упражнений, признанных «официальным образцом эсперантско- го стиля», и «основной словарь, заключающий в себе все официально уста- новленные слова эсперанто», были опубликованы Заменгофом накануне I Всемирного конгресса эсперантистов в г. Булонь-сюр-Мер (Франция, 1905 г.) [11]. В полном соответствии с волей самого Заменгофа конгресс, принимая по существу принцип фундаментализма, проявляет вместе с тем исключительно гибкий подход к вопросу дальнейшего развития планового языка. «Любую идею, — говорится в принятой „Декларации“, — которая не может быть подходящим образом выражена с помощью материала, имею- щегося в „Fundamento de Esperanto“, каждый эсперантист имеет право выражать тем способом, который он находит наиболее правильным, точно так же, как это делается во всяком другом языке. Но ради полного един- ства языка всем эсперантистам рекомендуется следовать как можно боль- ше тому стилю, который применяется в работах создателя эсперанто» [12]. Вот подлинно диалектический подход к языковому развитию — фундамен- тализм, устойчивость, с одной стороны, возможность развития, совершен- ствования — с другой.

Примечательно, что говоря о возможных изменениях, Заменгоф имеет в виду не столько грамматическую структуру языка, сколько его словарь и стилистику. «Если какого-либо слова недостает в изданном мной слова- ре, — писал он, — и это слово невозможно построить по правилам слово- образования или заменить его другим выражением, — тогда всякий может создать его по собственному усмотрению...» [13].

Первоначальные установки на последующее совершенствование эспе- ранто открыли широкие возможности развития прежде всего лексики язы- ка, которую принято делить на «официальную» и «неофициальную». В пер- вую группу входят слова, утвержденные Академией эсперанто, во вторую — неологизмы и окказионализмы, применяемые различными авторами, но не получившие официального утверждения. Именно последние служат важнейшим резервом пополнения «официальной» лексики эсперанто.

В ряде словарей соответствующими пометами обозначены слова, офи- циально утвержденные в различные периоды истории эсперанто, что поз- воляет ученым исследовать процессы совершенствования лексики плано- вого языка. Так, в известном «Эсперанто-русском словаре» В. Г. Сутков- ского [14] представлена любопытная картина расширения словарного состава эсперанто за 40 лет (1887—1927). В словаре обозначены а) фундамен- тальные слова, данные в первых трудах Заменгофа, б) неологизмы, при- нятые с одобрения самого автора языка, в) слова, утвержденные Акаде- мией после смерти автора, г) неофициальная лексика, собранная Сутков- ским из опубликованной к тому времени литературы.

Картину развития эсперантской лексики последующих десятилетий можно проследить также по материалам отдельных изданий — «Plena vortaro de Esperanto» («Полного словаря эсперанто») и других словарей. Анализ фактического материала, содержащегося в указанных и других лексикографических трудах, позволяет ученым отметить определенные

закономерности развития эсперантской лексики в разные периоды ее развития. Так, Н. Ф. Дановский отмечает шесть таких периодов, характеризующих определенными специфическими особенностями: в первый период (1887—1905) эсперанто развивается главным образом в письменной форме. Устное его употребление (наряду с продолжением и расширением на нем литературного творчества) начинается в основном со второго периода (1905—1914). Почти полная приостановка эсперанто-движения и развития планового языка присущи третьему периоду (1914—1919), совпадающему с первой мировой войной. Характерным для всех трех периодов является сильное влияние на эсперанто русского языка, а само это время обычно называют «русским периодом» развития планового языка, т. е. наиболее активные его пропагандисты были гражданами России. Характерно, появление в это время калек с русского типа *subfosi* «подкопать», *surtiri* «натянуть», *aldoni* «прибавить», *subauskulti* «подслушивать» и т. д. Что касается общего развития языка, то оно происходит в рамках «фундаментальной» лексики и форм, определенных Заменгофом [15, с. 94—95].

Наиболее интенсивное развитие эсперанто наблюдается в четвертый период, период между двумя мировыми войнами (1920—1939). В это время возникает массовое пролетарское движение эсперантистов, стимулом для которого стали Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный накал во многих странах. Этот период характеризуется процессами революционных преобразований и началом научно-технического прогресса, в плановом языке появляются целые пласты новой лексики, отражающей новые реалии (*soveto* «совет», *kolhozo* «колхоз», *mitingo* «митинг», *agregato* «агрегат» и т. д.).

Пятый период совпадает со второй мировой войной (1939—1945) и, как и третий, характеризуется деградацией эсперанто-движения и застоем в развитии самого языка.

Наступивший в послевоенную эпоху шестой период развития эсперанто-движения происходит в условиях значительного увеличения удельного веса социализма на земле, роли социалистических стран во всемирном эсперанто-движении. Небывало расширилась география распространения эсперанто, а также сфера употребления его в различных общественных, естественных и технических науках. В новый период изменяется также внешняя ориентированность эсперанто на те или иные языки-источники. Как уже было сказано, в первые три периода плановый язык развивался почти под безраздельным влиянием русского языка, внесшего большой вклад в развитие различных уровней структуры эсперанто (этому вопросу посвящена тема успешно защищенной кандидатской диссертации Б. Г. Колкера [16]). В новый период своего развития эсперанто претерпевает большое влияние английского и французского языков. Вместе с тем в произведениях, публикуемых в различных странах, нередко встречаются «окказионализмы», появившиеся под влиянием разных языков (скажем, вьетнамского, китайского, японского, болгарского, венгерского и др.), которые также (подобно обычным диалектизмам) служат немалым резервом для дальнейшего развития эсперанто.

Как показывает анализ особенностей развития структуры эсперанто, проведенный специалистами за последние годы, наиболее значительные изменения происходят в области аффиксального словообразования. Напомним лишь основные, сославшись на интересную работу одного из опытейших эсперантистов и интерлингвистов Н. Ф. Дановского [15, с. 92]. К аффиксам, попавшим в «Fundamento» Заменгофа, Академия эсперанто прибавила суф. *-end*. Таким образом, «фундаментальных», «офи-

циальных» аффиксов насчитывается 41 [17]. Однако на практике, в художественной и особенно в научной литературе встречается значительно большее количество аффиксов. Так, лексикографы отмечают префиксы: *cis-*, *retro-*, *neo-*, *hidro-*, *mega-*, *hipo-*, *bi-*, *di-*, *nitro-*, *oftalmo-*, *penta-*, *pseudo-*, *tele-*, *termo-*, *tetra-*, *ultra-* и др. Разумеется, не все они должны стать «официальными», т. е. признанными Академией эсперанто. Но сам факт их функционирования в текстах свидетельствует о дальнейших возможностях совершенствования эсперанто. Сказанное дает право утверждать, что структура эсперанто не только достаточно гибка для выражения любых оттенков мыслей и чувств, но и легко поддается дальнейшей шлифовке. Все зависит от тех задач, которые могут быть поставлены перед плановым языком, а также усилий специалистов-эсперантистов в области языкового строительства, в котором плановый язык нуждается в еще большей мере, чем национальные литературные.

В связи с этим необходимо отметить, что эсперантологи отстали от практики по крайней мере в области ономастики. Нет стабильности и единства в подаче географических названий и антропонимов. Многочисленные статьи и дискуссии по этой проблематике до сих пор не дали ощутимых результатов. Перед учеными стоят определенные задачи и в области терминологии. Значение этого пласта лексики в наш век научно-технической революции трудно переоценить, особенно для планового языка.

Но здесь мы уже переходим к заключительной части данной статьи — к сугубо теоретическим вопросам, на которых необходимо остановиться хотя бы вкратце.

В плане теории прежде всего требуют разъяснения понятия «эсперантология» и «интерлингвистика», в употреблении которых среди специалистов существует известный разнобой. Пожалуй, меньше расхождений имеется в понимании термина «эсперантология», имеющего довольно прозрачную внутреннюю форму. Термин этот предложен еще в 1921 г. Э. Вюстером [18] и с тех пор означает «учение об эсперанто» или «теорию эсперанто». Под этим подразумевают обычно историю возникновения языка эсперанто, методологические предпосылки его создания, теоретические вопросы, связанные с его структурой и функционированием. Эсперантология предстает как составная часть более широкого круга проблем, объединяемых в понятие «интерлингвистика», по которой существует довольно обширная литература [19]. В данном случае важно отметить, что среди многочисленных определений данного понятия основной план расхождений касается вопросов его объема. Первоначально автор самого термина «интерлингвистика» (от *interlangage* «международный язык»), бельгийский ученый Ж. Майсманс, говорил о новой научной дисциплине, изучающей «естественные законы» формирования общих вспомогательных языков-посредников — как «естественных», так и «искусственных» — [20]. Двумя десятилетиями позднее на II Международном конгрессе лингвистов в Женеве О. Есперсен дал свое классическое определение этому термину как «отрасли языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех естественных языков, имея целью установление норм для интерязыков, т. е. вспомогательных искусственных языков, предназначенных для устного и письменного общения между людьми, которые не могут объяснить-ся с помощью родного языка» [21].

Такое содержание понятия «интерлингвистика» в принципе характерно для целого ряда работ, появившихся в 30-х и 40-х годах. Их авторы (Э. Сепир, М. Сводеш, У. Коллинсон, Ш. Балли, А. Сеше, А. Дебруннер,

О. Функе, А. Мартине и некот. др.) подчеркивали общезыковедческий характер интерлингвистики.

В противовес этому с конца 50-х годов в некоторых научных трудах объем понятия «интерлингвистика» как бы сужается и она начинает осмысляться только с точки зрения роли, которую может сыграть международный вспомогательный язык в преодолении языковых барьеров на международной арене. Это нашло свое отражение и в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахматовой. Согласно ее определению, интерлингвистика — это «раздел языкознания, изучающий разнообразные вопросы, связанные с созданием и функционированием различных вспомогательных языков — от международных языков типа эсперанто, интерлингва и т. д. до математических языков-посредников, информационно-логических языков и вспомогательных кодов для машинного перевода, информационных машин и т. п.» [22]. Подобный сдвиг в понимании интерлингвистики, по-видимому, объясняется двумя причинами. Во-первых, уже накоплен значительный опыт использования эсперанто в различных сферах международных контактов (международная переписка, проведение на эсперанто конгрессов, симпозиумов, совещаний и т. п., издание разнообразной литературы и т. д.), который требовал своего специального осмысления. Во-вторых, в 50-е и 60-е годы значительного уровня достигли успехи ученых по решению проблемы машинного перевода (были составлены различные коды и «машинные языки»), что требовало также своего интерлингвистического осмысления. В настоящее время в целом ряде книг уже получили освещение основные интерлингвистические концепции. Поэтому ограничимся упоминанием наиболее известных имен, внесших свою лепту в развитие этой молодой лингвистической дисциплины: Г. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. С. Трубецкой, О. Есперсен, Н. Я. Марр, Э. Сепир, А. Мартине, М. В. Щерба, Н. В. Юшманов, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, А. М. Пешковский, Л. А. Булаховский, Л. И. Жирков и др. (подробнее см. [23]). Особенно хочется подчеркнуть имя выдающегося советского руководителя эсперанто-движения в 20—30-х годах Э. К. Дрезена, интерлингвистическая деятельность которого до сих пор не оценена по достоинству. В послевоенный период наиболее значительной фигурой в советской интерлингвистике явился замечательный кавказец и эсперантист проф. Е. А. Бокарев, которому принадлежит целый ряд разъяснений по конкретным вопросам о характере и роли эсперанто как международного вспомогательного языка [24, 25]. В частности, он как профессиональный лингвист ратовал за то, чтобы сделать эсперанто полноценным объектом исследования. Что касается задач ученых в области решения проблемы международного вспомогательного языка, то Бокарев указывал прежде всего на необходимость «серьезного изучения всех аспектов этой проблемы в одном научном центре (или нескольких центрах), широкой пропаганды самой проблемы в научных кругах, для подготовки таким образом авторитетной постановки вопроса в авторитетной международной инстанции» [25]. Хочется отметить, что в послевоенный период развития интерлингвистики немалую роль сыграли принципиальные статьи одного из последователей Е. А. Бокарева, академика Академии эсперанто проф. В. П. Григорьева. В его работах дается аргументированный ответ на целый ряд возражений противников эсперанто [26—29]. Определенное положительное значение имело и появление книги Э. Свадоса [1], в которой, несмотря на ряд спорных положений, имеется подробная сводка материалов по истории возникновения идеи всеобщего языка и конкретным попыткам построить проекты такого языка. Ученики

и последователи Бокарева в своих работах стараются развить его научные положения. В частности, члены Проблемной группы по интерлингвистике (Институт языкознания АН СССР) за последние годы осуществили ряд публикаций [5, 8, 12, 30, 31]. Необходимо также сказать о той ценной работе, которую проводит по интерлингвистике профессор Тартуского университета А. Д. Дуличенко. Особенно хочется подчеркнуть значение подготавливаемых им сборников «*Interlingvistica Tartuensis*» (уже вышли 3 сборника [32—34]), в которых поднимаются и анализируются самые различные вопросы интерлингвистики и эсперантологии.

Немало делают и наши зарубежные коллеги — в Болгарии, Венгрии, Польше, ГДР, ФРГ, Англии, США и др. странах. Среди десятков имен ученых, занимающихся в настоящее время различными аспектами интерлингвистики и эсперантологии, пожалуй, наиболее ярко выступает имя видного деятеля эсперанто-движения в ГДР, крупного ученого-интерлингвиста Д. Бланке. За последние годы его практическая деятельность в эсперанто-движении проходит на фоне активной научной разработки целого ряда проблем интерлингвистики и эсперантологии [35, 36].

Ясно, что одной из актуальных задач деятельности советских интерлингвистов является налаживание более тесной координации исследовательской работы не только внутри страны, но и в международном масштабе. Важно, в частности, шире привлекать эсперанто для типологических исследований. Вспомним, например, сколько усилий приложено лингвистами, чтобы выявить так называемые универсалии. В структуре планового языка можно вскрыть эти «универсалии», да еще не разрозненными, а в целостной системе.

Приходится констатировать, что общее языкознание в долгу перед интерлингвистикой, в которой сокрыто немало возможностей для решения многих теоретических и социологических проблем языковой жизни современного многонационального человечества. В то же время многовековая история развития идеи вспомогательного языка, столетний опыт его функционирования нуждаются в глубоком философском и лингвосоциологическом анализе.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Свадост Э.* Как возникнет всеобщий язык? М., 1968. С. 76.
2. *Дрезен Э.* Проблема международного языка на текущем этапе его развития. М., 1932. С. 8.
3. *Descartes, Oeuvres.* I. Correspondence: Avril 1622 — Fevrier, 1638. P., 1897.
4. *Bibliorgafio 1929* // *Bibliografio de internacia lingvo.* Genève, 1929. P. 32.
5. *Кузнецов С. Н.* Основные понятия и термины интерлингвистики. М., 1982.
6. *Холин И.* Volarük. Всемирный язык Шлейера. СПб., 1886.
7. *Жирков Л. И.* Почему победил эсперанто? М., 1930.
8. *Исаев М. И.* Язык эсперанто. М., 1983.
9. *Esperanto en perspektivo. Faktoj kaj analizoj pri la internacia lingvo.* London — Rotterdam, 1974. P. 624.
10. *Заменгоф Л. Л.* Международный язык. Предисловие и полный учебник. Варшава, 1887. С. 29.
11. *Заменгоф Л. Л.* Основы международного языка эсперанто. М., 1911. С. 3.
12. *Кузнецов С. Н.* Основы интерлингвистики. М., 1982. С. 73.
13. *Заменгоф Л. Л.* Прибавление ко второй книге международного языка. Варшава, 1889. С. 73—74.
14. *Сутковский В. Г.* Эсперанто-русский словарь. Л., 1927.
15. *Дановский Н. Ф.* Эволюция эсперанто // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
16. *Колкер Б. Г.* Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
17. *Русско-эсперантский словарь.* М., 1950. С. 533—536.

18. *Wuster E.* Esperantologio kaj esperantologoj // *Esperanto trimfonta*. 1921. № 41—42.
19. *Дуличенко А. Д.* Интерлингвистика / Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Тарту, 1982. С. 5.
20. *Maymans J.* Une science nouvelle // *Lingua internationale*. Bruxelles, 1911. № 8.
21. *Jespersen O.* A new science: interlinguistics. Cambridge, 1931.
22. *Азманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
23. *Дуличенко А. Д.* Обзор важнейших интерлингвистических изучений в СССР // История и современное состояние интерлингвистики. Тарту, 1982. С. 3.
24. *Исаев М. И.* Е. А. Бокарев и интерлингвистика / Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1975. С. 5.
25. *Бокарев Е. А.* О международном вспомогательном языке науки // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1975. С. 25.
26. *Григорьев В. П.* Бодуэн де Куртене и интерлингвистика // И. А. Бодуэн де Куртене (К 30-летию со дня смерти). М., 1960.
27. *Григорьев В. П.* Об интерлингвистической языковой форме / Проблемы современной филологии. М., 1965.
28. *Григорьев В. П.* О некоторых вопросах интерлингвистики // ВЯ. 1966. № 1.
29. *Григорьев В. П.* Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1975.
30. *Кузнецов С. Н.* Направления современной интерлингвистики. М., 1984.
31. *Семенова Э. В., Исаев М. И.* Учебник языка эсперанто. М., 1984.
32. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Тарту, 1982.
33. Теория и история международного языка. Тарту, 1983.
34. История и современное состояние интерлингвистики. Тарту, 1984.
35. *Blanke D.* Esperanto und Wissenschaft. Berlin, 1982.
36. *Blanke D.* Internationale Plansprachen. Eine Einführung. Berlin, 1985.